

Лев Николаевич

Толстой

Приближение конца

(1896 г.)

Государственное издательство

художественной литературы

Москва – 1954

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 31-го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 31-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

«ТОЛСТОЙ ВЕРХОМ»

Скульптура П. Трубецкого

ПРИБЛИЖЕНИЕ КОНЦА

В нынешнем 1896 году молодой человек Ван-дер-Вер был призван в Голландии к поступлению в национальную гвардию.

На требование командира Ван-дер-Вер ответил следующим письмом:

«Не убий».

Господину Герману Снейдерс.

Командиру национальной гвардии Мидельбургского округа.

Милостивый государь!

Прошлую неделю я получил бумагу, в которой мне было приказано явиться в городскую думу для того, чтобы согласно закону быть зачисленным в национальную гвардию. Как Вы, вероятно, заметили, я не явился; и настоящее письмо имеет целью довести до Вашего сведения откровенно и без обходов, что я не намерен явиться перед комиссией; я хорошо знаю, что подвергаю себя тяжелой ответственности, что Вы

можете меня наказать и не преминете воспользоваться этим Вашим правом. Но меня это не страшит. Причины, побуждающие меня проявить этот пассивный отпор, представляют для меня достаточно значительный противовес этой ответственности.

Лучше, чем большинство христиан, я, будучи, если угодно, не христианином, понимаю заповедь, стоящую во главе этого письма, – заповедь, присущую человеческой природе и разуму. Будучи еще ребенком, я позволял обучать себя солдатскому ремеслу, – искусству убивать; но теперь я отказываюсь! В особенности я не желаю убивать по команде, что является убийством против совести, без всякого личного побуждения или какого-либо основания. Можете ли Вы мне назвать что-либо более унижительное для человеческого существа, нежели совершение подобных убийств или резни? Я не могу ни убить, ни видеть убийства какого-либо животного, и для того, чтобы не убивать животных, я сделался вегетарианцем. А в настоящем случае мне могли бы «приказать» стрелять по людям, никогда не сделавшим мне никакого зла: ведь не для того же, я полагаю, обучаются солдаты ружейным приемам, чтобы попадать в листья или ветки деревьев.

Но Вы, быть может, скажете мне, что национальная гвардия должна также и прежде всего содействовать поддержанию внутреннего порядка.

Господин командир, если бы действительно порядок царствовал в нашем обществе, если бы общественный организм был на самом деле здоров, другими словами: если бы не было таких вопиющих злоупотреблений в общественных отношениях, если бы не было дозволено, чтобы один умирал с голода в то время, как другой может позволить себе все прихоти роскоши, – тогда Вы увидели бы меня в первых рядах защитников этого порядка; но я безусловно отказываюсь содействовать поддержанию теперешнего так называемого порядка. К чему, господин командир, пускать друг другу пыль в глаза? Ведь оба мы отлично знаем, что означает поддержание этого порядка: поддержку богачей против нищих тружеников, начинающих сознавать свои права. Разве мы не видели роли, которую, во время последней стачки в Роттердаме, разыграла Ваша национальная гвардия: без всякого основания эта гвардия должна была целыми часами находиться на службе для того, чтобы защищать имущество угрожаемых торговых фирм. И можете ли Вы на одну минуту предположить, что я поддамся участию в защите людей, которые, по моему искреннему убеждению, поддерживают войну между капиталом и трудом, – что я буду стрелять в рабочих, действующих всецело в пределах своего права. Вы не можете быть настолько слепы! Зачем же усложнять дело? Не могу же я, на самом деле, позволить вылепить из себя послушного национального гвардейца, такого, какого Вы желаете и какой Вам нужен.

На основании всех этих причин, но в особенности потому, что я ненавижу убийство по команде, я и отказываюсь от службы в качестве национального гвардейца, прося Вас не присылать мне ни мундира, ни оружия, так как я имею непреклонное намерение не употреблять их.

Приветствую Вас, господин командир.

И. К. Ван-дер-Вер.

Письмо это, по моему мнению, имеет очень большое значение.

Отказы от военной службы в христианских государствах начались с тех пор, как в христианских государствах появилась военная служба, или, скорее, с тех пор, как государства, власть которых основана на насилии, приняли христианство, не отказавшись от насилия.

В сущности оно и не может быть иначе: христианин, учение которого предписывает ему смирение, непротивление злу, любовь ко всем, даже врагам, не может быть военным, т. е. принадлежать к сословию людей, предназначенных только для убийства себе подобных.

И потому истинные христиане всегда отказывались и теперь отказываются от военной службы.

Но истинных христиан всегда было мало; огромное большинство людей христианских государств только числились христианами, исповедуя церковную веру, не имеющую ничего общего, кроме имени, с истинным христианством. То, что изредка появлялся, на десятки тысяч поступающих в военную службу, один, отказавшийся от нее, нисколько не смущало те сотни тысяч, миллионы людей, которые каждый год поступали в военную службу.

«Не может же быть, чтобы заблуждалось всё огромное большинство христиан, поступающих в военную службу, а были правы только исключения, часто малообразованные люди, отказывающиеся от военной службы, тогда как архиепископы и ученые люди признают ее совместной с христианством», – говорили себе люди большинства, и спокойно, считая себя христианами, поступали в ряды убийц.

Но вот является человек не христианин, как он сам заявляет о себе, и отказывается от военной службы не по религиозным, а по самым простым причинам, понятным и общим всякому человеку, какого бы он ни был исповедания и какой бы ни был национальности – католик, магометанин, буддист, конфуцианец, испанец, араб, японец...

Отказывается Ван-дер-Вер от военной службы не потому, что он следует заповеди «не убий», и не потому, что он христианин, а потому, что он считает убийство противным разуму человека. Он пишет, что просто ненавидит всякое убийство, и ненавидит его до такой степени, что стал вегетарианцем, только бы не быть участником в убийстве животных; главное же, он говорит, что отказывается от военной службы потому, что считает убийство по приказанию, т. е. обязательство убивать тех людей, которых ему велят убивать (в чем собственно и состоит военная служба), делом несовместимым с достоинством человека. На обычное же возражение о том, что если он не будет служить, и по его примеру не будут служить и другие, то нарушится существующий порядок, он отвечает тем, что он и не хочет поддерживать существующий порядок, потому что порядок этот дурной, такой, в котором властвуют богатые над бедными, а этого не должно быть, так что если бы у него и было какое-нибудь сомнение о том,

нужно ли или не нужно служить в военной службе, одна мысль о том, что, служа в военной службе, он оружием и угрозой убийств будет поддерживать угнетающих богатых против угнетенных бедных, заставила бы его отказаться от военной службы.

Если бы Ван-дер-Вер выставлял причину отказа свою принадлежность к какому-нибудь христианскому исповеданию, люди, которым предстоит поступление в военную службу, могли бы сказать: «Я не сектант и не признаю христианства, и потому не считаю нужным поступать так же». Но причины, выставляемые Ван-дер-Вером, так просты, ясны и так общи всем людям, что невозможно не применить их к себе. Теперь для того, чтобы признать причины эти необязательными для себя, надо сказать: «Я люблю убийство и готов убивать не только врагов, но и своих угнетенных и несчастных соотечественников и не нахожу ничего дурного в том, чтобы обещаться по приказанию первого встречного начальника убивать всех тех, кого он прикажет».

Ведь дело очень просто.

Живет молодой человек; в какой бы среде и семье и исповедании он ни вырос, его учат тому, что надо быть добрым, что очень дурно не только бить и убивать человека, но и животного, учат его тому, что человек должен дорожить своим достоинством, а достоинство состоит в том, чтобы поступать сообразно своей совести. Этому учат одинаково и китайца-конфуцианца, и японца-шинтоиста или буддиста, и турка-магометанина. И вдруг после того, как его научили всему этому, он поступает в военную службу, где от него требуют обратного тому, чему его учили: ему велят готовиться ранить и убивать не животных, а людей, велят ему отказаться от своего человеческого достоинства и повиноваться в деле убийства неизвестным и незнакомым ему людям. Что может отвечать на такое требование человек нашего времени? Очевидно, только одно: «Не хочу и не буду».

Это самое сделал Ван-дер-Вер. И трудно придумать, что можно ответить ему и всем тем людям, которые, находясь в таком же, как и он, положении, должны поступать так же.

Можно не видеть того, на что не обращено еще внимания, и не понимать значения поступка, пока оно не разъяснено, но раз указано и разъяснено, нельзя уже не видеть или притворяться, что не видишь того, что совершенно ясно.

Может найтись и теперь человек, который не думал о том, что он делает, поступая в военную службу; могут найтись и такие люди, которые желают войны с чужими народами, или желают продолжать угнетать рабочих, или даже такие люди, которые любят убийство для убийства. Такие люди могут еще быть военными, но и эти люди теперь не могут не знать, что есть люди, и самые лучшие люди всего мира среди не только христиан, но магометан, браминов, буддистов, конфуцианцев, которые с отвращением и презрением смотрят на войну и военных, и что количество этих людей с каждым часом увеличивается. Никакие аргументы не могут разговорить ту простую истину, что человеку, уважающему себя, нельзя идти в рабство к неизвестному или хотя бы известному, но имеющему убийственные цели, хозяину. А в этом

самом только и состоит военная служба с своей дисциплиной.

«Но ответственность, которой подвергается отказывающийся? – говорят мне на это. – Хорошо вам, старику, уже не подлежащему этому испытанию и обеспеченному своим положением, проповедовать мученичество; но каково тем, которым вы проповедуете и которые, поверив вам, отказываются и губят свою молодую жизнь?» – Но что же мне делать? отвечаю я тем, которые говорят мне это. Неужели потому, что я старик, мне надо не указывать на то зло, которое я ясно и несомненно вижу именно потому, что я старик и много жил и думал. Разве человек находящийся на другой стороне реки и потому недоступный для разбойника, видящий, как этот разбойник хочет заставить одного человека убить другого, не должен кричать убивающему человеку, чтобы он не делал этого, хотя бы такое вмешательство озлобило бы еще больше разбойника? Кроме того, я никак не вижу, почему правительство, подвергая гонениям тех, которые отказываются от военной службы, не обратит свои кары на меня, признав меня подстрекателем этих отказов. Я не настолько стар, чтобы не мог подвергнуться гонениям и всякого рода казням, и положение мое вовсе не ограждает меня. Во всяком случае будут или не будут осуждать и преследовать меня, будут или не будут осуждать и преследовать тех, которые отказываются от военной службы, я, пока жив, не перестану говорить то, что говорю, потому что не могу перестать поступать по своей совести.

Тем-то и могущественно и непобедимо христианство, т. е. учение истины, что оно, для воздействия на людей, не может руководствоваться никакими внешними соображениями. Молод или стар человек, подлежит он за это гонениям или нет, человек, усвоивший себе христианское, т. е. истинное жизнепонимание, не может отступить от требований своей совести. В этом сущность и особенность христианства от всех других религиозных учений и в этом его неодолимое могущество.

Ван-дер-Вер говорит, что он не христианин, но мотивы его отказа и поступок его христианские: отказывается он потому, что не хочет убивать брата; не повинуется же потому, что веление его совести для него обязательнее повелений людских. От этого-то и особенно важен отказ Ван-дер-Вера. Отказ этот показывает, что христианство не есть какая-либо секта или исповедание, которого могут держаться одни люди и не держаться другие, но что христианство есть не что иное, как следование в жизни тому свету разума, который просвещает всех людей. Значение христианства не в том, что оно предписывало людям такие или иные поступки, а в том, что предвидело и указывало тот путь, по которому должно было идти и пошло всё человечество.

Люди, поступающие теперь добро и разумно, поступают так не потому, что следуют предписаниям Христа, а потому, что то, что 1800 лет назад высказывалось как направление деятельности, теперь стало сознанием людей.

Вот потому-то я и думаю, что поступок и письмо Ван-дер-Вера имеют большое значение.

Как пущенный по степи или по лесу огонь до тех пор не потухает, пока не выжигает всего сухого, мертвого, и потому подлежащего горению, так и раз выраженная словом истина до тех пор не перестанет действовать, пока не уничтожит всю ту ложь, подлежащую уничтожению, которая со всех сторон окружает и скрывает истину. Огонь долго тлеет, но как скоро он вспыхнул, он сжигает всё сгорающее очень скоро. Так же и мысль долго просится наружу, не находя выражения; но стоит ей найти ясное выражение в слове, и ложь и зло уничтожаются очень скоро. Одно из частных проявлений христианства – мысль о том, что человечество может жить без рабства, хотя и включена была в идею христианства, ясно была выражена, как мне кажется, только у писателей конца 18 столетия. До этого же времени не только древние язычники – Платон и Аристотель, но люди близкие к нам по времени и христиане не могли себе представить человеческого общества без рабства. Томас Мур не мог себе представить и Утопию без рабства. Точно так же и люди начала нынешнего столетия не могли себе представить жизни человечества без войны. Только после наполеоновских войн была ясно выражена мысль о том, что человечество может жить без войны. И вот прошло сто лет с тех пор, как ясно была выражена мысль о том, что человечество может жить без рабства, и среди христиан уже нет рабства; и не пройдет ста лет после того, что ясно была выражена мысль о возможности человечеству жить без войны, и войны не будет. Очень может быть, что уничтожится война не совершенно, как не совершенно уничтожено рабство. Очень может быть, что военное насилие еще останется, как остался наемный труд после уничтожения рабства, но во всяком случае будут уничтожены война и войско в той противной и разуму и нравственному чувству грубой форме, в которой они существуют теперь.

Признаков того, что время это близко, очень много. Признаки эти в безвыходном положении правительств, всё увеличивающих и увеличивающих свои вооружения, и в всё растущей тяжести податей и недовольстве народов, и в доведенной до последней степени убийственности военных орудий, и в деятельности конгрессов и обществ мира, главное же в отказах вообще отдельных лиц от военной службы. В этих отказах – ключ к разрешению вопроса.

«Вы говорите, что военная служба необходима, что если бы ее не было, нас постигли бы страшные бедствия. Всё это может быть, но с тем понятием о добре и зле, которое обще всем людям нашего времени и вам самим, я не могу убивать людей по приказанию. Так что, если военная служба, как вы говорите, очень нужна, то устройте ее так, чтобы она не была в таком противоречии с моею и вашею совестью. Пока же вы не устроили этого, а требуете от меня того, что прямо противно ей, я никак не могу повиноваться».

Так неизбежно должны ответить, и в очень скором времени, все честные и разумные люди не только нашего христианского мира, но и магометане и так называемые язычники – брамины, буддисты и конфуцианцы. Может быть, по инерции военное дело еще продержится некоторое время, но вопрос уже решен в сознании людей, и с каждым днем, каждым часом всё большее и большее число людей приходит к тому же решению, и остановить это движение уже нет никакой возможности.

Всякое признание людьми какой-либо истины или скорее освобождение от какого-либо заблуждения – так это было на наших глазах с рабством – достигается всегда борьбу между уяснением сознания людей и инерцией прежнего состояния.

Сначала инерция так сильна и сознание так слабо, что первая попытка освобождения от заблуждения встречается только удивлением. Новая истина представляется безумием. «Разве можно жить без рабства? Кто же будет работать? Разве можно жить без войны? Всякий придет и завоюет нас». Но сила сознания всё растёт, инерция всё ослабевает и удивление всё сменяется насмешками и презрением. «Священное писание признает господ и рабов. Такое отношение существовало вечно; и вдруг нашлись такие умники, которые хотят переделать весь мир», – говорили о рабстве. «Все ученые и мудрецы признавали законность и даже святость войны, и вдруг мы поверим, что не нужно воевать!» – говорят о войне. Но сознание всё растёт и уясняется: людей, признающих новую истину, становится всё больше и больше, и насмешки и презрение сменяются хитростью и обманами. Люди, поддерживающие заблуждение, делают вид, что они понимают и признают несообразность, жестокость той меры, которую они защищают, но считают уничтожение ее невозможным теперь, откладывая ее уничтожение на неопределенное время. «Кто же не знает, что рабство дурно, но люди еще не готовы для свободы, и освобождение произведет страшные бедствия», – говорили про рабство 40 лет тому назад. «Кто же не знает, что война есть зло? Но пока человечество еще так зверообразно, уничтожение войска произвело бы больше зла, чем добра», говорят теперь про войну. Но мысль делает свое дело, растёт и сжигает ложь, и наступает то время, когда безумие, бесцельность, вред и безнравственность заблуждения до такой степени ясны (так было на нашей памяти с рабством в 60-х годах в России и Америке), что уже нельзя защищать его. Так это теперь в деле войны. Как тогда уже не пытались оправдывать рабство, а только поддерживали его, так и теперь уже не пытаются оправдывать войну и войско, а только отмачиваются, пользуясь той инерцией, которая еще поддерживает войну и войско, зная очень хорошо, что вся эта кажущаяся столь могущественной жестокая и безнравственная организация убийства всякую минуту может рухнуть с тем, чтобы никогда уже не возобновляться. Но стоит просочиться сквозь плотину одной капле воды, или из огромного здания вывалиться одному кирпичу, или из самой твердой сети распуститься одной петле, и прорывается плотина, заваливается здание, распускается сеть. Такой каплей, таким камнем, такой распущенной петлей представляется мне отказ Ван-дер-Вера, мотивированный причинами, общими всему человечеству. За отказом Ван-дер-Вера должны последовать всё чаще и чаще такие же отказы, а как только таких отказов будет много, так тотчас же те самые люди, которые вчера еще говорили (а имя им легион), что без войны нельзя жить, скажут, что они уже давно проповедуют безумие и безнравственность войны, советуют вам поступать так, как поступил Ван-дер-Вер, и от войны и войска в том виде, в котором они существуют теперь, останется одно воспоминание.

И время это близко.

Ясная Поляна

24 сентября 1896.

Комментарии Н. В. Горбачева

«ПРИБЛИЖЕНИЕ КОНЦА»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Голландский писатель и журналист Ван Дэйль, поздравляя 12/24 августа 1896 г. Толстого с днем его рождения, приложил к своему письму копию заявления, посланного его соотечественником, «молодым социалистом» Ван-дер-Вером командиру национальной гвардии Герману Снейдерсу.

Ни Ван Дэйль, ни Ван-дер-Вер лично не были знакомы с Толстым. Выражая желание предать широкой гласности это заявление, Толстой 23 августа просил Ван-дер-Вера сообщить, будет ли он иметь что-нибудь против этого (см. т. 69). Ответное письмо Ван-дер-Вера не сохранилось. Вероятно, в этом несохранившемся письме Ван-дер-Вер дал согласие на предание гласности своего заявления, и Толстой, получив это согласие, тут же и начал писать статью по поводу его заявления. 1 сентября 1896 г. он закончил черновую редакцию статьи (см. описание рук. №№ 1 и 2).

Вначале Толстой озаглавил статью: «Carthago delenda est»,

- [1] но потом это название изменил на «Приближение конца». Последняя авторская дата в рукописях – 24 сентября 1896 г., вошедшая потом в печатный текст. Но Толстой и после 24 сентября еще работал над своей статьей и закончил ее не позднее 30 сентября 1896 г. В этот день он послал статью Эугену Шмиту для опубликования ее в немецкой печати.
- [2] Позже, в первой половине октября, он переслал статью Джону Кенворти и Шарлю Саломону для опубликования ее в английской и французской печати. [3]

Впервые статья Толстого опубликована во французской газете «Journal des Débats» 24 октября 1896 г. под заглавием «Les temps sont proches» в сокращенном виде. Ее перевод был сделан Шарлем Саломоном совместно с профессором П. Буайе.

На русском языке статья была издана В. Г. Чертковым в Лондоне в 1897 г. (изд. «Свободное слово»). В этом издании после слов: «Кто же не знает, что война есть зло?» судя по рук. № 14. пропущена фраза, связывающая предыдущий текст с последующим: «Но пока человечество.... говорят теперь про войну» (см. печатный текст, стр. 86, строки 6–9).

В 1911 г. статья Толстого под заглавием «Приближение конца», с большим цензурным пропуском, вошла в Собрание сочинений Толстого (изд. 12-е, часть 19-я).

В настоящем издании статья печатается по изданию «Свободного слова». Опечатки и ошибки исправляются по рукописям.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 4 лл. F, исписанных с обеих сторон. Черновая редакция статьи, без заглавия и без конца.
2. Копия автографа рукой М. Л. Оболенской с большими авторскими исправлениями. 15 лл. 4°. На лицевой странице л. 15 дата рукою М. Л. Оболенской: «1 сентября 1896 г.», перенесенная из предыдущей рукописи. На обороте л. 15 – продолжение статьи рукою Толстого с его подписью и датой: «7 сент. 1896. Я. П.». Начало: «В нынешнем 96-м году». Конец: «будут поступать в военную службу?»
3. Копия предыдущей рукописи рукой Н. Л. Оболенского с большими авторскими исправлениями и дополнениями. Копия неполная (без начала), с ошибками. 27 лл. 4° (из них 9 лл. – дубликат, без поправок Толстого). Начало: «Письмо это, по моему мнению». Конец: «против угнетенных бедных».
4. Разрозненная копия предыдущей рукописи рукою М. А. Шмидт с авторскими поправками. 4 лл. 4°. Начало: ««чениям, отказываясь от военной службы»». Конец: «Carthago delenda est».
5. Копия окончания предыдущей рукописи рукою М. Л. Оболенской с авторскими исправлениями. 3 лл. 4°. На л. 3 подпись и дата рукою Толстого: «19 сентября 1896». Начало: «Всякое признание людьми. «Конец: ««Carthago delenda est»».
6. Копия несохранившейся части предыдущей рукописи рукою М. Л. Оболенской с исправлениями Толстого. 1 л. 4°. Начало: «Признаков

того». Конец: <<начало освобождения>>.

7. Разрозненная копия предыдущей рукописи рукою М. Л. Оболенской, с авторскими исправлениями, с заглавием: «Carthago delenda est». 2 л. 4°.

8. Копия начала предыдущей рукописи рукою М. Л. Оболенской с авторскими исправлениями и дополнениями, с заглавием: «Carthago delenda est», переправленным Толстым на «Приближение конца». 3 л. 4°. Начало: «Выраженная словом истина». Конец: «нужно так ма[ло]».

9. Копия (начало) несохранившейся рукописи рукою М. Л. Оболенской с исправлениями Толстого и с заглавием «Приближение конца». 1 л. 4°. Начало: «В нынешнем 96 году». Конец: «национальной гвардии».

10. Полная копия всей статьи рукою М. Л. Оболенской и М. А. Шмидт с большими авторскими поправками, с заглавием: «Приближение конца». 24 л. 4° (л. 24 чистый). На обороте л. 23 – окончание статьи рукою Толстого, с его подписью и датой: «20 сент. 96. Я. П.». Начало: «В нынешнем 96-м году». Конец: «установления царства божия».

11. Разрозненная копия предыдущей рукописи рукою М. А. Шмидт (карандашом) с авторскими исправлениями. 4 л. 4°. Начало: «не перестану говорить». Конец: «наступить всякий час».

12. Рукописный материал. 4 л. 4°. Начало: «что рабство дурно». Конец: «И время это близко».

13. Полная копия статьи рукою Н. Л. Оболенского и М. А. Шмидт с авторскими исправлениями, с датой и подписью на последнем листе: «24 сентября 96 года. Ясная Поляна. Л. Толстой», перенесенными переписчицей из неизвестной рукописи, копией которой является данная рукопись. В данную рукопись перенесены поправки Толстого из рук. № 14. 23 л. 4°. Начало: «В нынешнем 96-м году». Конец: «И время это близко».

14. Полная копия статьи рукой М. А. Шмидт и М. Л. Оболенской с авторскими исправлениями. 23 л. 4° и 1 отрезок. Начало: «В нынешнем 96-м году». Конец: «И время это близко».

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ ПЕРВОМУ ТОМУ.

В настоящий том входят художественные произведения и статьи Л. Н. Толстого второй половины девяностых годов.

Крупнейшее произведение этого периода – роман «Воскресение» – и относящиеся к нему варианты напечатаны в 32 и 33 томах.

Трактат «Что такое искусство?» (1897–1898 гг.) вместе с другими

статьями об искусстве входит в 30 том.

Из произведений, включенных в 31 том, только некоторые были напечатаны при жизни Толстого, и те, в большинстве случаев, с цензурными изъятиями. Другие были опубликованы в издательстве «Свободное слово» за границей (например, «Две войны») или после смерти Толстого – в томах посмертных художественных произведений и в отдельных изданиях; впервые полностью печатается в настоящем томе статья «К итальянцам».

Эти произведения Толстой создавал в конце века, в период промышленного подъема и роста революционного движения в стране. Рабочий класс, эксплуатируемый фабрикантами и заводчиками, уже открыто заявлял о своих правах, о своей революционной решимости. Стихийный протест против угнетения и несправедливости назревал и в среде трудового крестьянства, страдавшего от безземелья и разорения. Царское правительство отвечало на растущие волнения народных «низов» репрессиями и террором.

Произведения, Дневники и письма Толстого этих лет показывают, как живо он откликался на общественные и политические события, как остро реагировал на факты религиозного и политического насилия, как неутомимо и вдумчиво размышлял над теми проблемами, которые стояли перед страной.

Во второй половине девяностых годов, по мере обострения противоречий социальной действительности, обострились и противоречия, характерные для мировоззрения и творчества Толстого. Писатель ясно видел, в каком бедственном и тяжелом положении находятся народные массы, сочувствовал их борьбе против царизма, гнета помещиков и капиталистов, отчетливо понимал, что Россия находится на пути к революции. Защищая интересы этих масс, он обрушивался с беспощадной критикой на самодержавие, на полицейско-бюрократический аппарат, на все то, что давило и угнетало трудовой народ. Но, выражая настроения «всей той многомиллионной массы русского народа, которая уже ненавидит хозяев современной жизни, но которая еще не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними»,

[4] Толстой верил в возможность мирного разрешения всех общественных противоречий, предотвращения революционной бури.

Революционный способ уничтожения ненавистного ему социального строя он стремился заменить глубоко реакционной, ошибочной теорией непротравления злу насилием, личного совершенствования, любви и христианского братства.

Великий писатель выступает в эти годы и в роли гневного обличителя социальной несправедливости и в роли проповедника «новой религии», христианского смирения и кротости.

I

Одной из тем художественного творчества писателя в девяностые годы является тема нравственного «воскресения» – пробуждения в человеке нового взгляда на жизнь, критического отношения к окружающему его социальному злу. Воскресение толстовского героя, как правило принадлежащего к привилегированным кругам, сопровождается острым кризисом его мировоззрения, потребностью в изменении всего образа жизни, поисками новых путей.

Повесть «Отец Сергей» принадлежит к тем творениям Л. Толстого, в которых рассказывается мучительная история прозрения и «воскресения» героя и изображаются различные стадии его духовных исканий.

По своему сюжету повесть отдаленно напоминает рассказы из «житий святых». В ней также описывается жизнь человека, уединившегося от общества и борющегося с искушениями и соблазнами. Но действие повести перенесено в реальную обстановку конца XIX века, а по своему содержанию она направлена не на прославление затворничества и церковной святости, а на его разоблачение. Толстой, автор «Отца Сергия», обличает официальную религию, отрицает монастырское отрешение от мира, показывает, что оно не в состоянии принести ни удовлетворения тем, кто ищет нравственного идеала, ни помощи тем нищим и страждущим, которые нуждаются в реальных, земных благах.

Герой повести князь Степан Касатский уходит в монастырь, разочарованный в аристократическом обществе, которое, после пережитой им личной драмы, предстало перед ним в подлинном своем неприглядном виде.

Аристократ Степан Касатский отрекается от всех мирских интересов, уединяется в келье, глубоко убежденный, что, став отцом Сергием, он найдет новую, справедливую жизнь. «Поступая в монахи, он показывал, что презирает всё то, что казалось столь важным другим и ему самому в то время, как он служил, и становился на новую такую высоту, с которой он мог сверху вниз смотреть на тех людей, которым он прежде завидовал».

[5] Но всем ходом повествования писатель разбивает иллюзии своего героя. Сталкивая его с реальной действительностью, ставя его в типические условия церковного быта, Толстой показывает, что высота эта мнимая. В монастыре Касатский находит ту же суету сует, ложь, фальшь и корысть, от которых он с отвращением бежал. Показная парадность, лицемерие, чисто внешняя обрядность, эгоизм, тщеславие,

неискренность пронизывают весь монастырский быт. Писатель критически рисует монашескую среду, типы монахов: глава монастыря, игумен – «светский, ловкий человек, делавший духовную карьеру»; ризничий – льстив, угодлив; монахи преследуют только корыстные цели и повинуются, главным образом, «монашескому честолюбию». Атмосфера чинопочитания и рабского холопства перед сильными мира сего и явного пренебрежения к простому люду, пришедшему на богомолье, ничем, по сути, не отличается от тех отношений социального неравенства, которые составляют основу светского общества.

Драма героя повести в том, что, проведя многие годы в монастыре, в скитском уединении, он вдруг увидел – что его трудный и мучительный подвиг нужен только князьям церкви как «средство привлечения посетителей и жертвователей к монастырю», что его святость ни в какой степени не способствует улучшению жизни людей, а ему самому она не дает внутреннего удовлетворения и покоя. Самый принцип отрешения человека от внешнего мира, отлучения от земных радостей оказывается порочным и гибельным. Борьба отца Сергия с чувственными соблазнами так трудна и мучительна, требует такого огромного внимания к своей собственной личности, что в конце концов она становится препятствием к осуществлению долга перед людьми, мешает простому и непосредственному общению с ними.

Рисую духовную драму отца Сергия, человека большой воли, незаурядного ума, страстного правдоискателя, гуманист Толстой разоблачает церковные учреждения с их искусственной формой общежития, тираническим насилием над живой человеческой личностью. Но, ниспровергая официальную религию, клерикализм, Толстой не приходит к отрицанию религии вообще. Он пытается утвердить как истинную религию – всепрощение, самопожертвование, непротивление злу насилием. Традиционным церковным формам писатель противопоставляет смиренный подвиг любовного служения людям в обыденной житейской обстановке. Уже в самом раннем упоминании о возникновении у писателя замысла «Отца Сергия» намечено это противопоставление. 3 февраля 1890 года он записывает в Дневнике, что рассказывал «историю жития и музыкальной учительницы» и тут же добавляет: «хорошо бы написать».

[6] Несколько позднее он вносит в перечень задуманных сюжетов: «Рука сжигается пустынноиком и учительница музыки». [7]

В лице Пашеньки, простой учительницы музыки, которая «не могла физически почти переносить недобрые отношения между людьми», отец Сергей находит свой положительный идеал, ответ на мучившие его долгие годы нравственные и религиозные вопросы. Глядя на постаревшую, задавленную бедностью, но добрую и незлобивую женщину, он приходит к убеждению, что «Пашенька именно то, что я должен был быть и чем я не был. Я жил для людей под предлогом бога, она живет для бога, воображая, что она живет для людей. Да, одно доброе дело, чашка воды, поданная без мысли о награде, дороже

облагодетельствованных мною для людей».

[8]

Под влиянием этой встречи прославившийся своей святостью отец Сергей превращается в бездомного странника, смиренного проповедника любви и добрых дел. Здесь находит свое отражение одна из наиболее реакционных и вредных тенденций Толстого – возвеличение юродства, реакционная проповедь кротости и смирения перед тем «злом», против которого страстно восставал сам Толстой.

Толстой создал яркий и сильный образ человека, готового на борьбу и страдания во имя истины, ради всеобщего блага, но принявшего, вопреки своей мятежной натуре, толстовскую философию юродства и смирения. Горький, слышавший эту повесть в пересказе самого писателя, восторженно отозвался о ней, но при этом отметил двойственность и противоречивость авторского замысла. «Я слушал рассказ ошеломленный и красотой изложения, и простотой, и идеей, – писал Горький. – И смотрел на старика, как на водопад, как на стихийную творческую силу. Изумительно велик этот человек, и поражает он живучестью своего духа, так поражает, что думаешь – подобный ему невозможен. Но и жесток он! В одном месте рассказа, где он с холодной яростью бога повалил в грязь своего Сергея, предварительно измучив его, – я чуть не заревел от жалости».

[9]

Горький был потрясен величием толстовского гения, его мастерством в изображении человеческого характера, но в то же время он не смог не почувствовать двойственности Толстого и известную его непоследовательность. Любя своего героя, сочувствуя его исканиям и стремлениям, Толстой, художник сложный и противоречивый, не мог привести его к такой истине, которая избавила бы его от ложных блужданий и падений, возвеличила его, укрепила бы его в борьбе за высокие идеалы.

Отвлеченно–моралистическая, религиозная философия Толстого, проявившаяся и в самой повести и в трактовке главного персонажа, его ложная концепция решения социальных и этических проблем ослабили реализм Толстого и образ отца Сергея.

Смысл повести «Отец Сергей» не только в личной драме князя Касатского. Драма Касатского, в изображении Толстого, порождена уродливым социальным строем, ложью собственнических отношений. За

ложью, фальшью и грязью «святой» монастырской жизни стоит ложь, фальшь, грязь и несправедливость общественного строя, разделенного на паразитические господствующие классы и угнетаемые трудовые «низы». И Толстой в этой своей повести выступает обличителем, гневно и остро протестующим против такой общественной системы, которая препятствует гармоническому существованию человеческой индивидуальности.

II

Несравненно острее «Отца Сергия» по социальной направленности драма «И свет во тьме светит», представляющая большой автобиографический интерес. В ней с исключительной полнотой отразились переживания самого Толстого, его сложные семейные отношения, его личные искания и убеждения.

В драме критически обрисованы быт и психология представителей господствующего класса с их паразитическим и праздным образом жизни, с полным равнодушием к вопиющим фактам социального неравенства, убежденностью в разумности и справедливости общественного уклада, который предоставил только им право пользоваться всеми житейскими благами. Толстой создает ряд образов типичных представителей помещичье-дворянской среды: Марья Ивановна – жена Сарынцева, ограниченная женщина, целиком поглощенная интересами семьи, воспринимающая сложившиеся жизненные условия как абсолютно нормальные; без собственности и богатства она не мыслит себе счастья и благополучия своей семьи, своих детей. С ней полностью солидаризируются сестра Александра Ивановна и ее муж.

Поглощенные корыстными заботами о собственном благе, они не задумываются над судьбами нищего и замученного непосильным трудом простого народа. Толстой в своей драме обличает праздную, порочную, пустую жизнь господ, жестокость и ничтожество блюстителей общественного порядка. Им он противопоставляет полную труда, страданий и лишений жизнь крестьян, вынужденных вести тяжелую борьбу за свое существование.

Реалистически-правдиво воспроизведенный писателем быт дворянско-помещичьей семьи делает душевную драму главного героя пьесы Николая Сарынцева, переживающего острый конфликт со своей средой, закономерной и оправданной.

Заглавие драмы «И свет во тьме светит» восходит к евангельскому тексту: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

[10] Дневниковые записи Толстого раскрывают смысл, который он вкладывал в эти слова.

«Средство служить людям одно: быть лучше, – отмечает Толстой в одной из записей. – Да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли отца вашего небесного» (15 февраля 1889 г.).

[11] «Не стараться делать добро надо, а стараться быть добрым; не стараться светить надо, а стараться быть чистым» (13 марта 1890 г.).

[12]

Таким образом, в своей пьесе Толстой стремился утвердить силу духовного сознания, противостоящего воздействию окружающей среды, силу примера совершенствующейся личности, стойко и твердо отказывающейся от участия в зле. Однако развитие действия драмы показывает обратное, и в этом ее глубокое общественное значение. Бессильным оказывается Сарынцев в борьбе за новые формы жизни в кругу своих домашних. Бессильным оказывается и его последователь Борис в своем столкновении с властями при отказе от воинской повинности. Его готовность на мученичество в сущности бесплодна, как это и было в действительности с наиболее мужественными последователями Толстого, поступавшими подобно Борису. Военная каста остается как надежная и верная опора самодержавия, а Бориса за его бунт наказывают заключением в дисциплинарный батальон. Среди солдат и жандармов проповедь Бориса естественно не только не встречает отклика, но кажется им наивной и глупой. Молодой священник Василий Никанорович, под влиянием Сарынцева снявший сан, вскоре раскаивается и возвращается к своим пастырским обязанностям. Невеста Бориса Люба, одно время сочувствовавшая ему, в конце концов становится невестой преуспевающего чиновника–карьериста.

С безбоязненной правдивостью, отказываясь от всякого самообмана, Толстой рисует, как простые люди иронически–недоверчиво относятся к исканиям Николая Ивановича. «Что ж, господа, известное дело. Всего хотят доходить», – говорит столяр, обучающий Николая Ивановича столярному ремеслу. Относительно его раздумий о праве владения именем он высказывается резко и прямо: «Стыдно, так раздайте», и в ответ на сбивчивые пояснения Николая Ивановича: «Хотел, да не удалось, жене передал», – добавляет: «Да вам и нельзя. Привыкли».

[13]

Глубокая духовная усталость и подавленность слышатся в словах

Николая Ивановича в финале четвертого действия – после неудавшейся попытки ухода из семьи: «Василий Никанорович вернулся, Бориса я погубил, Люба выходит замуж. Неужели я заблуждаюсь, заблуждаюсь в том, что верю тебе? Нет. Отец, помоги мне».

[14] Здесь нашел отражение тот замысел, о котором Толстой записал в Дневнике: «Думал к драме о жизни: отчаяние человека, увидавшего свет, вносящего этот свет в мрак жизни с надеждой, уверенность освещения этого мрака, и вдруг мрак еще темнее» (5 февраля 1890 г.).
[15]

Но закончить всю пьесу на признании бессилия своего героя Толстой не считал возможным. В сохранившемся конспекте пятого действия драмы намечена мелодраматическая развязка: княгиня, мать Бориса, доведенная до отчаяния заключением сына в дисциплинарный батальон, стреляет в Николая Ивановича, считая его виновником гибели Бориса; Николай Иванович, умирая, прощает ее, говорит, что застрелился нечаянно сам. В целом эта пьеса с ее большим социальным содержанием показывает победу реализма художника над его утопическими и наивными теориями. Всем содержанием своей драмы Толстой вопреки своему замыслу утверждает невозможность путем личного самосовершенствования, добрым примером изменить существующие общественные отношения. И хотя проблема преобразования действительности, истинных «путей жизни» остается в пьесе нерешенной, объективно она утверждает необходимость решительной ломки всей социальной системы дворянско-буржуазного общества.

В этом томе публикуется переведенная Толстым с английского языка индийская сказка «Карма», привлекающая внимание писателя тем, что в ней хорошо разъясняется та истина, «что избавление от зла и приобретение блага добывается только своим усилием».

[16] Но в сущности эта наивная, несколько примитивная история опровергает проповедываемую сказкой идеологию покорности и примирения. Она хорошо показывает мнимость и иллюзорность принципа, что «тот, кто делает больно другому, делает зло себе. Тот, кто помогает другому, помогает себе», – исправление жизни с помощью добрых дел. Ибо на практике эта философия оставляет нетронутой всю систему общественных и человеческих отношений, отношения господ и рабов. Следование идеям кармы не избавило земледельца от бедности и унижения, раба Магадугу – от задавленного и бесправного существования, а только помогло богатому и властному ювелиру умножить свои богатства. Таким образом, сама сказка убедительно говорит о том, что одни «добрые дела» не спасают человечество от «зла».

Изложению своих философских и религиозных взглядов, опровержению доводов противников посвящены аллегорические притчи Толстого. Однако и эти притчи, и в особенности первая и последняя, своей абстрактностью, чисто умозрительным характером доказательств, не только не утверждают справедливости толстовских положений, но скорее, наоборот, свидетельствуют о глубоких внутренних противоречиях мировоззрения писателя.

III

Ленин указывал, что в произведениях Толстого поставлены «конкретные вопросы демократии и социализма»,

[17] наиболее острые и актуальные для его эпохи проблемы.

Демократические позиции Толстого особенно явно выступают в статье «Стыдно» (1895), направленной против применения к крестьянам телесных наказаний.

Толстой расценивает систему телесных наказаний для крестьян как пережиток, сохранившийся от времен крепостного права.

В статье «Стыдно» остро вскрывается чудовищность социального неравенства, при котором надругательство над человеческим достоинством крестьянина рассматривается как нормальное явление. Обличительный пафос статьи усиливается рядом включенных в нее эпизодов, изображающих с присущим Толстому мастерством избиение и истязание мужиков.

Статья проникнута величайшим уважением и сочувствием к крестьянству, которое Толстой характеризует как «лучшее сословие», величайшим негодованием против его узаконенного бесправия. С горьким сарказмом Толстой клеймит ложь и лицемерие либеральных попыток смягчить установленную систему жалкими ограничениями и компромиссами. В одном из вариантов статьи он со страстной убежденностью заявляет: «Нельзя почтительнейше просить о том, чтобы этого не было, можно только кричать на весь мир, вопить о том, что это не может продолжаться, что этого не должно быть и что преступны все те, которые участвуют в этом, и еще более те, которые могут прекратить это и не прекращают».

[18]

Знаменательно, что все редакции статьи начинаются воспоминаниями о декабристах, которые в свое время отказались от применения телесных наказаний в подчиненных им воинских частях. Знаменательно, — как выражение того неизменного интереса и сочувствия Толстого к деятельности декабристов, которые проявились не только в троекратном возвращении к замыслу романа «Декабристы», но и в целом ряде упоминаний о декабристах в устных высказываниях, Дневниках и художественных произведениях. В своей статье Толстой характеризует декабристов как «цвет» тогдашней молодежи, причем в одном из вариантов подчеркивает связь их идей с идеями французской революции: «Это были всё люди тогдашнего европейского образования, в котором звучали еще основные принципы большой французской революции и религиозного возбуждения, последовавшего за наполеоновскими войнами».

[19]

Не случайна проставленная Толстым в одной из редакций статьи «Стыдно» дата: 14 декабря 1895 г. (день семидесятилетия со дня восстания). В одном из последних вариантов статья даже была озаглавлена «Декабристы и мы». Гуманному отношению дворянских революционеров к народу Толстой противопоставляет чудовищные и бесчеловечные деяния современных ему крепостников.

Гневным протестом против всего общественно–политического режима царской России звучит также статья «Бессмысленные мечтания», явившаяся откликом Толстого на позорную, открыто защищавшую самодержавие от малейшей попытки его ограничения речь только что вступившего на престол Николая II перед земскими деятелями, в самых почтительных выражениях заикнувшимися о праве «доводить до сведения царя» нужды народа. Сурово критикуя поведение царя, ответившего на это заявление грубым окриком, Толстой ставит вопрос о нелепости самого принципа наследственности и неограниченности царской власти, выступает непримиримым врагом самодержавия.

Решительно отрицая божественное происхождение царской власти, Толстой убежденно говорит о невозможности править людьми, «не зная, как живут люди и в чем их нужды».

Давая убийственную характеристику всего самодержавно–бюрократического аппарата, Толстой показывает, что самодержавная власть приводит к тому, что страной правит «стая жадных, пронырливых, безнравственных чиновников», чуждая, далекая и глубоко враждебная народу.

Особенно резко звучит в одном из вариантов характеристика царствований Александра II и Александра III, их политика репрессий и гонений, их равнодушие к нуждам трудящихся. С нескрываемым сочувствием говорит Толстой о революционерах, которые, по его словам, хотели только больше свободы и нисколько не были «звероподобными людьми, ищущими убийств для убийств, и злодеями, которых надо беречься и которых надо истреблять»,

[20] какими их изображает реакционная правительственная пресса.

Это не свидетельствует, конечно, о признании Толстым правоты революционеров и их методов борьбы. Непротивленческие тенденции явно обнаруживаются в том, как он изображает столкновение старого рабочего с зазнавшимся барчуком: рабочему удастся поставить барчука на место полным достоинством, спокойным, сдержанным словом.

В одном из писем этого периода (24 ноября 1894 г.) Толстой писал: «Если бы новый царь спросил у меня, что бы я ему посоветовал сделать, я бы сказал ему: употребите свою неограниченную власть на уничтожение земельной собственности в России и введите систему единого налога [Генри Джорджа], а затем откажитесь от власти и дайте народу свободу управления».

[21] В каких утопических, отвлеченных формах представлял себе Толстой эту «свободу управления», можно судить по многочисленным высказываниям, а также по незаконченному произведению этого периода, включенному в настоящий том, – «Сон молодого царя».

Статья «Бессмысленные мечтания» осталась неоконченной. При резкости ее тона вряд ли можно было рассчитывать на возможность напечатания и распространения в царской России. К попыткам организованного общественного выступления по поводу речи царя Толстой отнесся несочувственно. Причиной этого являлось, с одной стороны, вполне основательное недоверие Толстого к бесплодной либеральной шумихе, с другой – характерное для него отрицание организованной общественной борьбы.

Неоконченной осталась и другая статья, «О студенческом движении» (1899), направленная против всей внутренней политики царского правительства. Но в сохранившемся наброске с большой силой звучит негодующий протест против правительственных репрессий, его сочувствие оппозиционной молодежи, не соглашавшейся пополнить собой ряды правительственных чиновников и бюрократии.

IV

Статьи Толстого «К итальянцам» (1895) и «Две войны» (1898), первая из которых связана с поражением итальянцев в войне с Абиссинией, вторая – с событиями американо-испанской войны за остров Кубу, содержат резкое выступление против милитаризма и колониального порабощения. Война Италии с Абиссинией и Америки с Испанией за обладание Кубой знаменовали собой начало новой кровавой эры, борьбы империалистов за передел мира. Толстой с присущей ему проницательностью разгадал грабительский характер разыгравшихся на далеких от него материках событий. Он со всей страстностью обрушился на зачинщиков этих кровопролитных сражений, разоблачая их глубоко враждебный интересам и потребностям народа характер. Своими выступлениями Толстой срывал маску с современных ему буржуазно-демократических государств, показывал, что за либеральной болтовней о мире скрывается лихорадочная подготовка новых сражений, новых боёв.

Толстой справедливо утверждает, что войны нужны правительствам и правящим классам, а не мирному трудящемуся народу. Он высказывает глубокое убеждение, что дело мира находится в руках самих народов: «Ведь придет же время, и очень скоро, когда после ужасных бедствий и кровопролитий, изнуренные, искалеченные, измученные народы скажут своим правителям: да убирайтесь вы к дьяволу или к богу, к тому, от кого вы пришли, и сами наряжайтесь в свои дурацкие мундиры, деритесь, взрывайте друг друга, как хотите, и делите на карте Европу и Азию, Африку и Америку, но оставьте нас, тех, которые работали на этой земле и кормили вас, в покое.... Нам важно то, чтобы беспрепятственно пользоваться плодами своих трудов; еще важнее обмениваться плодами этих трудов с дружественными, того же самого желающими, другими народами» («К итальянцам») [22].

Он разоблачает преступления, совершаемые сльвущей самой передовой и демократической страной – Америкой. «Ужаснее всего то, – пишет Толстой, – что главные участники в этой войне – это люди той самой молодой передовой нации, которая справедливо гордилась своей разумностью и свободой от кровожадных инстинктов европейских народов. И что же? Никогда ни один народ не доходил, кажется, до такого грубого зверства и до такого одурения, до которого дошла теперь масса американского народа» («Две войны», вариант № 2). [23]

Однако незнание подлинных путей преобразования социальной действительности приводит Толстого к тому, что системе капиталистического угнетения, империалистических войн, грозной силе пушек и непрестанно развивающейся военной технике он противопоставляет мужество и стойкость осознавшей требования «христианской любви» личности. Поэтому в отказе от военной службы, в пассивном «неучастии в зле», личном самоусовершенствовании он видит единственное средство уничтожения армии, военной клики и постоянно висящей над человечеством угрозы кровопролитных войн. Выступления Толстого против разбойничьих империалистических войн, направленных

на укрепление и упрочение основ буржуазного общества, и сегодня близки передовым людям, борющимся за мир.

Идеалистические основы мировоззрения Толстого и связанные с ними противоречия особенно явно выступают в предисловии к статье Карпентера «Современная наука».

Критикуя буржуазную науку за ее классовую тенденциозность, Толстой справедливо обвиняет эту науку в том, что она занимается, «с одной стороны, оправданием существующего порядка, с другой – игрушками», «разрешением вопросов праздного любопытства». Утверждая, что все завоевания науки и техники в буржуазном обществе «прилагаются только к губительным для народа фабрикам, к орудиям истребления людей, к увеличению роскоши, разврата», ведут к ухудшению положения трудового люда, Толстой абсолютно прав. Для него несомненно, что в результате неправильно устроенного общественного порядка, при котором власть принадлежит небольшой кучке, неизбежно превращение науки в средство угнетения и порабощения народа.

В своей статье Толстой приходит к единственно правильному и логическому выводу, что необходимо прежде всего изменить это «дурное устройство». Но в соответствии со своим утопическим, идеалистическим учением полагает, что все формы жизни могут быть изменены только путем изменения сознания людей.

В своей критике современного состояния наук Толстой исходит из требований «разумного рабочего человека», который «ждет от науки, что она разрешит для него те вопросы, от которых зависит благо его и всех людей», то есть «вопросы» религиозно-морального порядка: «как надо жить, как обходиться с семейными, как с ближними, как с иноплемениками, как бороться с своими страстями, во что надо, во что не надо верить». Так Толстой с идеалистических позиций ошибочно определяет круг вопросов, от решения которых, по его мнению, зависит благо рабочего человека, порабощенного и эксплуатируемого, задавленного нищетой и непосильным трудом, страдающего от бесправия и неравенства.

Поэтому от науки он требует прежде всего разрешения этических и религиозных проблем: «Наша наука для того, чтобы сделаться наукой и действительно быть полезной.... должна.... вернуться к тому единственному, разумному и плодотворному пониманию науки, по которому предмет ее есть изучение того, как должны жить люди»[24].

В отличие от Карпентера Толстой подвергает серьезной критике буржуазную науку за ее оторванность от народа и его нужд, за ее классовый характер. Не видя различия между буржуазной социологией и марксизмом, Толстой, однако, прав, утверждая, что для буржуазной социологии характерно стремление оправдать существование классов и капиталистическую систему. Толстой ошибался, подвергая сомнению полезность и достоверность физики, химии и других точных наук, но глубоко справедлива его критика общества, в котором все достижения науки являются привилегией небольшой кучки людей.

В своих лекциях, прочитанных в 1906 году на Капри, Горький

остановился на ошибочных идеалистических взглядах Карпентера и Толстого, выраженных Толстым в предисловии к книге английского философа. Цитируя утверждение Карпентера, что современная наука оставляет «все самые важные вопросы без всякого разрешения», он говорит: «Ничего особенно оригинального в этих словах нет, повторялись они тысячу раз, повторяются и в наши дни, их источник – чувство протеста против тех обязанностей, которые налагает на человека современное развитие знаний.

Каков смысл всей суммы наших знаний? Они говорят нам: главный враг человека – природа, а потому люди, существа разумные, должны соединить всю силу своего разума во единую целостную энергию и противопоставить ее стихиям, в целях победы над ними.

Далее – знание истории учит нас, что при современных общественных отношениях люди не могут объединиться для дружной борьбы с природой, что классовая рознь создает ряд противоречий, что эти противоречия, развиваясь при сознательном нашем вмешательстве в их игру, пожрут, наконец, сами себя, и человек освободится от экономического и политического рабства.

С этой точки зрения все, а равно и рост знаний наших – развитие науки, как орудия нашей самозащиты, – все стоит в зависимости от общественно-экономических отношений, кои и должны быть изменены прежде всего.

Так учит очевидность, так говорит весь нам известный опыт, и, говоря так, он обязывает нас к активному вмешательству во все дела жизни» [25].

Но такому активному вмешательству в жизнь глубоко враждебна вся проповедь Толстого.

Неизмеримо высоко оценивая Толстого как писателя-реалиста и обличителя, Горький вслед за Лениным всегда подчеркивал глубокий вред его философских и религиозно-нравственных идей и подвергал уничтожающей критике идеалистические основы миропонимания Толстого.

«Мы не должны останавливаться на выводах Толстого, – писал Горький, – на его грубо-тенденциозной проповеди пассивизма; мы знаем, что эта проповедь в конечных выводах своих глубоко реакционна, знаем, что она была способна причинить вред и причинила даже – все это так! Но – за всем этим остаются широко написанные, живые и яркие картины русской жизни во всех ее слоях, остаются глубоко взятые, изумительно просто и правдиво рассказанные человеческие жизни, душевные переживания. И эта работа имеет цену неоспоримую, она – колоссальна, она есть нечто, чем мы имеем право гордиться, что может научить нас уважать человека, понимать жизнь и безбоязненно думать о всех вопросах» [26].

Произведения, публикуемые в этом томе, отчетливо показывают и силу и глубину критики Толстого самодержавной России и ложность и вред его реакционно-утопического учения.

Отвергая его реакционную теорию, его религиозно–нравственное учение, мы с глубоким интересом относимся ко всем произведениям большого художника–гуманиста, в которых он дает глубокую и верную критику собственнического мира, обличает господствующие классы, защищает идеал гармонического и свободного развития человеческой личности.

А. Озерова

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ ПЕРВОМУ ТОМУ.

Тексты, публикуемые в настоящем томе, печатаются по общепринятой орфографии, но с сохранением особенностей правописания Толстого.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется.

Пунктуация автора воспроизводится в точности, за исключением тех случаев, когда она противоречит общепринятым нормам.

Слова, случайно не написанные, если отсутствие их затрудняет понимание текста, печатаются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание.

Условные сокращения типа «к–ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные ошибочно дважды, воспроизводятся один раз, но это всякий раз оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках.

На месте неразобранных слов ставится: [1, 2, 3 и т. д. неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что имеет существенное значение.

Более или менее значительные по размерам зачеркнутые места (в отдельных случаях и слова) воспроизводятся в тексте в ломаных < > скобках.

Авторские скобки обозначены круглыми скобками.

Многоточия воспроизводятся так, как они даны автором.

Абзацы редактора делаются с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому, печатаются в сносках (петитом) без скобок. Редакторские переводы иностранных слов и выражений печатаются в прямых скобках.

Обозначение * как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означает, что печатается впервые.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Фототипия скульптуры П. Трубецкого «Толстой верхом» между стр. IV и V.

Примечания

1

«Карфаген должен быть разрушен».

2

См. письмо Толстого к Эугену Шмиту от 30 сентября 1896 г. (т. 69).

3

См. письма Толстого к В. Г. Черткову от 12 октября (т. 87, стр. 374), к Джону Кенворти от 17 или 18 октября (т. 69) и к Д. П. Маковицкому от 19 октября (т. 69).

0

4

В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 323.

5

См. наст. том, стр. 11.

6

Т. 51, стр. 16.

7

Там же, стр. 125.

8

См. наст. том, стр. 44.

9

«М. Горький. Материалы и исследования», т. II, Издательство Академии наук, 1936, стр. 216.

10

Возможно, как указывает В. И. Срезневский в комментариях к тексту пьесы в издании 1917 г., что заглавие это стоит в связи с заглавием эскиза Н. Блинова «Свет и во тьме светит», написанного в ответ на драму Толстого «Власть тьмы». Но возможно и то, что оба заглавия возникли самостоятельно на основе одного источника.

11

Т. 50, стр. 37.

12

Т. 51, стр. 28.

13

См. наст. том, стр. 155–156.

14

См. там же, стр. 183.

15

Т. 51, стр. 17.

16

См. наст. том, стр. 47.

17

В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 297.

18

См. наст. том, стр. 248.

19

См. наст. том, стр. 244.

20

См. наст. том, стр. 252.

21

Н. Н. Гусев, Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого, 1936, стр. 508.

22

См. наст. том, стр. 195.

23

См. наст. том, стр. 250.

24

См. наст. том, стр. 89, 93–95.

25

М. Горький, История русской литературы, Гослитиздат, 1939, стр. 284.

26

М. Горький, История русской литературы, Гослитиздат, 1939, стр. 295–296.